

УДК 81

ЕСТЕСТВЕННАЯ (НЕПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ) ПИСЬМЕННАЯ РЕЧЬ КАК МОДУС СУЩЕСТВОВАНИЯ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА И «ЗЕРКАЛО» ИДИОЛЕКТА ЕГО НОСИТЕЛЯ¹

ЗАГОРОВСКАЯ Ольга Владимировна,

доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, современной русской и зарубежной литературы, Воронежский государственный педагогический университет.

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена актуальным проблемам динамических изменений в структуре русского языка в новейший исторический период и анализу принципиально нового модуса существования национально-русского языка – естественной (непрофессиональной) письменной речи. Впервые предлагается комплексная характеристика названного феномена с точки зрения типологических особенностей и обосновывается его значимость как репрезентанта идиолекта носителя русского языка.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: национальный русский язык, структура языка, модус существования русского языка, письменная речь, виртуальная коммуникация, естественная письменная речь, непрофессиональная речь идиолект, параметр идиолекта.

NATURAL (UNPROFESSIONAL) WRITTEN SPEECH AS A MODE OF THE MODERN RUSSIAN LANGUAGE EXISTENCE AND THE IDIOLECT “MIRROR” OF ITS SPEAKER

Zagorovskaya O.V.,

Dr.Philolog.Sci., Professor of the Department of Russian Language, Modern Russian and Foreign Literature Voronezh State Pedagogical University

ABSTRACT. The article is devoted to current problems of dynamic changes in the structure of the Russian language in the newest historical period and to the analysis of a fundamentally new mode of the national Russian language existence - natural (non-professional) written speech. For the first time, a complex characteristic of the named phenomenon is proposed from the point of view of typological features, and its significance as a representative of the idiolect of a native Russian speaker is substantiated.

KEY WORDS: national Russian language, language structure, mode of existence of the Russian language, written speech, virtual communication, natural written speech, non-professional speech idiolect, idiolect parameter.

В настоящее время не вызывает сомнения тот факт, что к числу наиболее значимых особенностей современного этапа развития русского языка относятся существенные изменения не только в его системе и функционировании, но и в структурной организации, представленной в виде упорядоченной совокупности его разновидностей, которые именуются в научной лингвистической литературе «формами существования национально-русского языка», его «вариантами», «модусами» и выделяются на разных основаниях: по форме реализации и каналу передачи информации, сфере использования, соотносительности с нормами литературного словоупотребления, социальной базе носителей и др. [7; 12].

К числу названных изменений в русском языке новейшего периода относятся трансформации его ведущих онтологических форм существования, которые в «докомпьютерный» период развития русской лингвокультуры были представлены четкой дихотомией «устная» и «письменная» разновидности русского языка, или – иначе – «устный» и

«письменный» русский язык, «устная русская речь» и «письменная русская речь».

Выделение двух названных видов речи до появления электронной коммуникации не вызывало никаких сомнений и основывалось прежде всего на различиях в ее материальной форме (звуковая или графическая) и каналах передачи и восприятия информации (звуковой или визуальный), хотя полный перечень оснований для разграничения названных модусов существования русского языка и оценка их соотношения в процессе языкового развития в разных теоретических концепциях могли быть нетождественными [1; 12].

Достаточно однозначно решался также вопрос об основных разновидностях русской устной и письменной речи и их важнейших лингвистических и внелингвистических признаках. Ведущим субмодусом русской письменной речи (ППР) с учетом реальных особенностей функционирования русского языка признавался ее «кодифицированный» вариант, представленный речью нормативной (то есть реализующей кодифицированный русский литературный язык), обработанной (то есть исправленной, скорректированной), предназначенной для использования в бытовых сферах общения (официально-деловой, научной, художественной, публицистической) и, как правило, «профессиональной» (созданной преимущественно лицами, профессионально занимающимися словесным творчеством и ориенти-

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда № 18-78-10081 «Моделирование идиолекта носителя современного русского языка в аспекте идентификации автора текста».

© Загоровская О.В., 2019

Информация для связи с авторами: olzagor@yandex.ru

рованы на создание текстов как продуктов труда или же стремящимися производить подобные тексты). «Некодифицированный» же субмодус РПР, лишенный названных выше признаков и до начала распространения электронной коммуникации представленный в русском дискурсе весьма ограниченно лишь в нескольких жанрах (личные письма, дневники, бытовые записки, надписи на стенах и нек.др.), расценивался как дополнительный и второстепенный.

В устной русской речи (РУР) в «докомпьютерный» период развития русской лингвокультуры позиции ведущего субмодуса, напротив, занимал ее «некодифицированный» вариант, представляющий собой «живую разговорную речь», реализацию некодифицированного литературного языка, просторечия, жаргонов, диалектов и соотносящийся, прежде всего, с бытовой сферой общения. «Кодифицированный» же субмодус РУР выступал как дополнительный, но не столько в силу его меньшей распространенности (устная форма русской речи достаточно широко использовалась в научных докладах, выступлениях на деловых совещаниях, митингах и т.п.), сколько в силу качественного своеобразия: устная речь в официальных сферах общения обычно не выступала в своей исходной, «естественной» форме, так как предполагала определенную обработанность текстов и их предварительную подготовленность.

На рубеже XX-XXI веков в русском дискурсе произошли существенные изменения, затронувшие, прежде всего, «некодифицированные» модусы существования русского языка. Прежде всего, как известно, в связи с социально-политическими и идеологическими изменениями в русском обществе в новейший период его истории существенно расширились сферы функционирования русской устной «естественной», «непрофессиональной» речи, которая стала активно использоваться в средствах массовой информации и публичных выступлениях политиков, представителей различных государственных структур, общественных деятелей и деятелей культуры (см. об этом работы Е.А. Земской, О.А. Лаптевой, В.Г. Костомарова, О.В. Загоровской, И.А. Стернина и др.). Несколько позже в связи с развитием электронной коммуникации начался стремительный рост использования русской письменной «непрофессиональной» речи. Но если в устном русском дискурсе происходящие изменения носили прежде всего количественный и функциональный характер, то в русском письменном дискурсе начались качественные трансформации, связанные с формированием принципиально нового вида РПР, функционирующей в новых неофициальных жанрах виртуальной коммуникации (блоги, форумы, чаты, сообщения в мессенджерах и др.). В электронных текстах названных жанров при сохранении опоры на визуальные образы и использование визуального канала для передачи и восприятия информации существенно расширился репертуар применяемых языковых знаков за счет новых графических элементов (смайлики, сочетания пунктуационных знаков, хештэги и т.п.), а также за счет возможностей других знаковых систем (цвета, шрифта и т.п.). В силу использования нового набора языковых знаков многие произведения электронной письменной речи (ЭПР), создаваемые для неофициального общения, приобретали характеристики, свойственные традиционным устным текстам: способность передавать особенности интона-

ции и темпа речи коммуникантов, их мимику, жесты и т.п. При этом новая разновидность русской письменной речи, в отличие от традиционной, могла быть синхронной (например, в виртуальных диалогах), далеко не всегда предполагала предварительное обдумывание и обработку, не была ориентирована на обязательное соответствие кодифицированным нормам литературного словоупотребления и – что представляется особенно важным – ее авторами выступали рядовые носители русского языка (о языковых особенностях интернет-общения см., например, работы Е.Н. Галичкиной, Е.И. Горощко, Л.Ю. Иванова, Л.Ф. Компанцевой, О.В. Лутвиновой, Л.Ю. Шипициной и др.).

Совмещение в некоторых жанрах ЭПР, широко представленной в массовой виртуальной коммуникации, характеристик традиционного письменного и устного дискурсов дало основание некоторым лингвистам рассматривать ЭПР как особый самостоятельный гибридный модус существования русского языка, именуемый «устно-письменной», «визуально-письменной» речью, «медиадиалектом», «электронным модусом» и некоторыми другими терминами и характеризующийся «слиянием» устной и письменной речи [13; 12; 19; 7].

Думается однако, что подобная точка зрения в настоящее время требует существенного уточнения. В большинстве случаев тексты, функционирующие в современной русскоязычной интернет-коммуникации и включающие в себя специальные языковые знаки для передачи эмоций коммуникантов, их невербального поведения во время общения и т.п. (смайлы, эмодзи, звездочки, наборы символов, разные шрифты и т.п.), по своим ведущим признакам остаются письменными: информация в них передается с помощью письменных знаков и воспринимается визуально. Ср в этой связи мнение Н.В. Голева о том, что «онлайн-общение есть по своей сути **письменная** форма речи, и то, что она вбирает в себя определенные, прежде всего функциональные, черты звуковой речи, не меняет таковой ее квалификации» [3, с. 15]. Тексты указанного выше типа, следовательно, репрезентируют не новый модус существования русского языка, а новую разновидность русского письменного модуса, новый «субмодус» РПР.

Вместе с тем в некоторых жанрах компьютерно-опосредованной коммуникации в настоящее время все более активно начинают функционировать диффузные мультимодусные (с точки зрения используемой технологии мультимедийные, предполагающие возможность использования фото-, видео- и аудиоматериалов, добавление гипертекстовых ссылок) тексты, создание и восприятие которых с необходимостью предполагает использование и визуального, и аудиального каналов передачи и восприятия информации. Безусловно, речь идет не о механическом дополнительном включении аудиальных элементов в готовый письменный текст путем, например, дополнительных гиперссылок на звуковую информацию, а также не о механическом чередовании письменных и звуковых текстовых фрагментов или законченных текстов в интернет-коммуникации, а о таких случаях, когда визуальная (основная) информация и информация звуковая (дополнительная) тесно взаимосвязаны и выступают значимыми элементами единой текстовой структуры и единого текстового пространства (ср., например, некоторые виды презентаций научных или публицистических выступлений). Думается, что

появление в современной компьютерной коммуникации подобных мультимодусных текстов, действительно, позволяет говорить о расширении количества модусов существования национального русского языка, выделяемых по материальной форме его речевой реализации, и о формировании в русском дискурсе самостоятельного визуально-аудиального модуса русского языка как нового лингвокультурного феномена. При этом следует подчеркнуть, что организация мультимодусных текстов в современной русской визуальной коммуникации требует специального глубокого изучения не только в рамках интернет-лингвистики, но и в рамках психолингвистики, так как в силу особенностей речемыслительной деятельности человека, предполагающей обязательное переключение сознания при обработке визуальной и аудиальной информации (см., например, работы А.Р. Лурия и его учеников), механизмы восприятия современных мультимодусных электронных текстов оказываются принципиально отличными от механизмов восприятия собственно письменных или собственно устных текстов.

Если формирование визуально-аудиального модуса в современном русском дискурсе представляет собой лишь направление динамического развития современного русского языка, то появление новой разновидности русской письменной речи, бытующей в некоторых новых жанрах интернет-коммуникации, – факт очевидный, правомерность которого прямо или косвенно доказывается результатами многих современных исследований, выполненных в русле социолингвистики, теоретической и прикладной лингвистики, а также такого нового направления языковедения, как интернет-лингвистика (см., например, работы Е.В. Рахилиной, Я.Э. Ахалкиной, Е.Б. Штукаревой, М.А. Кронгауза, Т.Н. Колокольцевой, Л.Ф. Компанцевой и др.). Вместе с тем сам статус названного феномена, его сущностные характеристики, системная организация, основные составляющие в разных лингвистических работах определяются неоднозначно.

Отсутствует и единое терминологическое обозначение названного феномена. Чаще всего новая разновидность русской письменной речи, представленная в неофициальных жанрах современной русскоязычной интернет-коммуникации, именуется «естественной письменной речью» (ЕПР) (а также «живой», или «разговорной», письменной речью) в соответствии с терминологией, предложенной представителями барнаульско-кемеровской школы функциональной грамматики (см., например, работы Н.Б. Лебедевой, Н.Д. Голева, Т.В. Алтуховой и др.). Названные термины, получившие достаточно широкое распространение в современной русистике, подчеркивают, по мнению их создателей, основные типологические особенности анализируемого вида РПР: неофициальность (повседневность) сферы бытования, спонтанность продуцирования, возможность несоответствия кодифицированным нормам литературного словоупотребления (что характерно для «разговорной» русской речи), непрофессиональность исполнения и ориентированность исключительно на собственную волю и интенцию при продуцировании речевых произведений. При этом естественная письменная речь рассматривается, прежде всего, как продукт речевой деятельности «наивных пользователей» русского языка [14; 15].

Очевидно, что последняя из характеристик, приписываемых русской «естественной» письменной речи, функционирующей в компьютерно-

опосредованной коммуникации при неофициальном общении, не может не вызывать серьезных сомнений, так как в названном виде коммуникации многие тексты продуцируются не только «наивными» носителями русского языка, но и образованными языковыми личностями, в том числе представителями элитарной языковой культуры. Думается также, что понятие непрофессиональности речи применительно к рассматриваемому субмодусу современного русского языка следует толковать не с точки зрения языкового сознания и языковой способности продуцента текста, а с точки зрения прежде всего интенции автора на создание речевого произведения только как средства коммуникации, а не как продукта профессиональной деятельности или орудия профессионального труда. Ср. в этой связи идеи Н.В. Богдановой о разграничении носителей языка и авторов речевых произведений по профессиональному или непрофессиональному отношению говорящего к речи с учетом того, является ли речь только средством коммуникации или также объектом изучения и/или орудием труда [2].

Анализ современной научной литературы, а также собственные исследования позволяют утверждать, что именно ориентированность продуцента на создание речевого произведения только как средства общения, а не продукта или орудия профессиональной деятельности представляет собой один из ведущих типологических признаков «естественной» («разговорной») письменной речи, представленной в неофициальных жанрах современной русскоязычной интернет-коммуникации. Учитывая значимость данного признака, представляется возможным и более логичным именовать рассматриваемый феномен «электронной непрофессионально-ориентированной письменной речью», или «электронной непрофессиональной письменной речью» (НПРэ). Предлагаемое наименование, подчеркивающее ведущий признак обозначаемого понятия, на наш взгляд, также более полно соответствует самой природе термина как языкового знака [4, с. 38].

Как показывают исследования, сущностные характеристики НПРэ определяются прежде всего ее принципиальными отличиями от традиционной русской письменной речи (ТПР), представленной в ее ведущем «кодифицированном» субмодусе (ТПРк). Данные отличия обнаруживаются по целому ряду оснований, в том числе: 1) по носителю информации; 2) по интенции автора речевого произведения и функциональной характеристике создаваемого текста; 3) по сфере функционирования; 4) по отношению к кодифицированным нормам русского литературного словоупотребления и характеристикам языковой личности продуцентов текстов; 5) по наличию или отсутствию предварительной обработки текста, а также промежуточных лиц и «фильтров» для подобной обработки; 6) по наличию или отсутствию временной дистанции между замыслом речи и ее реализацией; 7) по временному режиму создания и восприятия текста; 8) по жанровому разнообразию текстов.

В отличие от традиционной русской письменной речи, представленной в ее «кодифицированном» субмодусе, современная НПРэ:

- существует на электронных носителях;
- не имеет ориентированности на создание текстов как продуктов труда (как продуктов профессионального словесного творчества);

– функционирует преимущественно в неофициальных сферах общения, хотя может быть представлена и в официальных сферах (ср., например, электронное обращение граждан в приемную президента или в налоговую инспекцию);

– не имеет обязательной ориентированности на кодифицированные нормы русского литературного словоупотребления (более того, в современном русском электронном дискурсе формируются свои собственные нормы [8; 3]) и может реализоваться в речи самых разных по уровню образованности рядовых носителей русского языка;

– в большинстве случаев не предполагает предварительной обработки текстов (подобная обработка возможна лишь применительно к некоторым жанрам НППЭ, например, обращение в электронную приемную);

– характеризуется тенденцией к спонтанности (хотя в некоторых случаях временная дистанция между замыслом речи и ее реализацией возможна, что может происходить, например, при подготовке электронных писем, сообщений в вайбере, блогов и т.п.);

– допускает синхронность создания и восприятия текста.

Очевидно, что по первому и последнему из указанных признаков НППЭ принципиально отличается не только от «кодифицированного», но и от «некодифицированного» модуса существования традиционной РПР, а по остальным признакам сближается с традиционной «некодифицированной» («непрофессиональной») письменной русской речью. Подобная близость позволяет рассматривать НППЭ как новую разновидность русской письменной непрофессиональной речи в целом (НПР), то есть речи, не ориентированной на создание текстов как продуктов профессионального труда и продуцируемой рядовыми носителями русского языка. В этом случае НППЭ оказывается противопоставленной традиционной русской непрофессиональной письменной речи (НПРтр), представленной в рукописных и машинописных текстах. Подобная квалификация анализируемого феномена находит все большее признание в современной научной литературе (см., например, работы Н.Д. Голева, Т.В. Алтуховой, Т.А. Рабенко и др.).

С нашей точки зрения, понятие русской непрофессиональной письменной речи (НПР) не следует отождествлять с понятием русской письменной разговорной речи (ПРР), которая обычно противопоставляется русской кодифицированной письменной речи. В отличие от ПРР русская НПР не ограничена бытовой сферой общения (она может быть представлена, например, в официально-деловой сфере при написании объяснительных записок или признавательных показаний в судебных инстанциях) и не предполагает преимущественное использование языковых средств со стилистической окраской «разговорное» как составляющей их семантики [5; 6].

Русская НПР может быть продуцирована любым носителем русского языка, независимо от уровня развития его языковой личности, но всегда предполагает интенцию автора на создание текста прежде всего как средства коммуникации (передача и получение информации, самовыражение, выражение чувств и эмоций, собственно общение и т.п.) и отсутствие ориентированности на создание текстов как продуктов профессионального труда. В большинстве случаев НПР не имеет промежуточных лиц и «фильтров» для специальной предваритель-

ной обработки речевых произведений и характеризуется спонтанностью продуцирования.

Последние из названных характеристик НПР оказываются принципиально важными для исследований, связанных с решением проблемы взаимосвязи языка и личности. Если «профессиональная» письменная речь представляет собой результат вторичной когнитивной обработки продуктов речемыслительной деятельности человека (например, продуктов речемыслительной деятельности писателя, ученого, профессионального журналиста или даже рядового носителя русского языка в сфере делового общения при написании каких-либо документов), то НПР в большинстве случаев является непосредственным отражением речемыслительной деятельности личности, ее психологических качеств, психофизиологических и социальных характеристик. Ср. в этой связи мнение К.Ф. Седова о том, что именно в сфере повседневной межличностной коммуникации языковых личностей, «в огромном речевом континууме, происходит самореализация языковой личности» [18].

Более того, как показывают исследования, непрофессиональная письменная речь достаточно четко репрезентирует идиолект носителя языка как индивидуальную реализацию национальной языковой системы, индивидуальный вариант языка, совокупность устойчивых и вариативных языковых признаков (в том числе лексических, грамматических, нормативных, частеречных и др.), характерных для текстов той или иной личности [21; 17; 10]. В отличие от идиостиля, идиолект реализуется как совокупность преимущественно бессознательных выборов носителей языка, определяемых гендерными, нейробиологическими, психологическими и собственно социальными (принадлежность к определенной профессиональной группе, уровень образования, и т.п.) характеристиками создателей текстов, их индивидуальной социолингвистической историей, а также особенностями коммуникативной ситуации [17].

В настоящее время научные работы в области изучения идиолекта носителей русского языка активно ведутся в Лаборатории корпусной идиолектологии, созданной на базе Воронежского государственного педагогического университета под руководством Т.А. Литвиновой (<http://rusprofilinglab.ru>). Результаты подобных исследований, выполняемых в русле разрабатываемого названным ученым нового лингвистического направления «корпусная идиолектология», свидетельствуют о том, что на основе анализа НПР носителей современного русского языка с использованием методов корпусной лингвистики возможно выявление и изучение языковых параметров разных уровней, образующих зоны вариативности и стабильности идиолекта и принципиально значимых для идентификации и диагностирования автора текста, что чрезвычайно востребовано современным обществом [16; 20; 21; 9; 17].

С учетом всего вышеизложенного представляется возможным утверждать, что в новейший исторический период непрофессиональная русская письменная речь (НПР), включающая в себя новый вид русской речи – электронную непрофессиональную письменную речь (НППЭ), превращается в весьма значимую для русской лингвокультуры самостоятельную и достаточно представительную составляющую русской письменной речи в целом. Названный модус существования современного русского языка (точнее – субмодус) оказывается про-

тивопоставленным русской письменной «профессиональной» речи (в указанном выше толковании термина «профессиональный»), что позволяет говорить о своеобразном письменном двуязычии в современном русском дискурсе. Ср. в этой связи мнение Н.Д. Голева о том, что современная русская «разговорная письменная речь», включающая в себя также «письменное просторечие», превращается в самостоятельную коммуникативную систему, что ведет к формированию своеобразного письменного двуязычия, представленного дихотомией книжной письменной речи и разговорной письменной речи [3].

Развитие непрофессиональной («естественной») письменной русской речи (НПР), а также ее электронной разновидности (НПРэ) отражает важнейшие тенденции динамического движения русской языковой системы в целом, а изучение названных форм существования национального русского языка в аспекте отражения в них идиолектов носителей русского языка является принципиально значимым для решения не только собственно лингвистических проблем, но и социальных проблем современного общества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Алтухова, Т.В. Соотношение элементов устной и письменной речи в виртуальной коммуникации [Текст] / Т.В.Алтухова // Сибирский филологический журнал. – 2012. – №1. – С. 150-154.
2. Богданова, Н.В. О «корпусе» текстов живой речи: принципы формирования и возможности описания [Текст] / Н.В. Богданова, И.С. Бродт, В.В. Куканова // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Вып. 7 (14): по матер. межд. конф. «Диалог-2008». – М., 2008. – С. 57–61.
3. Голев, Н.Д. Русская письменная разговорная речь и ее отражение в обыденном метаязыковом сознании участников виртуальной коммуникации [Текст] / Н.Д.Голев // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2013.– №5 (25) – С. 12-30.
4. Данькова, Т. Н. Проблемы современной терминологии: монография [Текст] / Т. Н. Данькова, О. В. Загоровская. – Воронеж : ФГБОУ ВО Воронежский ГАУ, 2018. – 219 с.
5. Загоровская, О.В. Еще раз о структуре значения словесного знака [Текст] / О.В. Загоровская // Теоретические проблемы современного языкознания / под ред. И.А. Стернина, М.А. Стерниной. – Воронеж: Истоки, 2009. – С. 24-32.
6. Загоровская, О.В. Стилистическая значимость русского слова как явление национальной культуры [Текст] / О.В. Загоровская // Русское национальное сознание в его языковом воплощении: прошлое, настоящее, будущее. XXX Располовские чтения : материалы международной конференции. – Воронеж: Издательско-полиграфический центр Воронежского государственного университета, 2012. – С. 69-74.
7. Загоровская, О.В. Типологические разновидности русского языка и формы его существования в начале XXI века [Текст] / О.В. Загоровская // Известия Воронежского государственного педагогического университета. -2015. – №3 (268). – С. 96-101.
8. Загоровская, О.В. Языковая норма в современной русской визуально-письменной речи, функционирующей в интернет-коммуникации: к постановке проблемы [Текст] / О.В.Загоровская // Известия Воронежского государственного педагогического университета. – 2017. – №4 (277). – С. 168-172.
9. Загоровская, О.В. Корпус текстов RusPersonality как основа исследований «реальной» языковой нормы в современной русской письменной речи [Текст] / О.В. Загоровская, Т.А. Литвинова // Современные проблемы лингвистики и методики преподавания русского языка в вузе и школе / под ред. О.В. Загоровской. – Вып. 28. – Воронеж: ИПЦ «Научная книга», 2018. – С. 51-57.
10. Загоровская, О.В. Электронная база данных о языковой норме и ее вариантности как основа научных исследований ортологического параметра идиолекта [Текст] / О.В. Загоровская, Т.Н. Литвинова // Известия Воронежского государственного педагогического университета. -2018. – №3 (280). – С. 138-143.
11. Земская, Е.А. Русская разговорная речь: лингвистический анализ и проблемы обучения [Текст] / Е.А.Земская. – М.: Русский язык, 1979. – 240 с.
12. Кибрик, А.А. Модус, жанр и другие параметры классификации дискурсов [Текст] / А.А.Кибрик // Вопросы языкознания. – 2009. – №2. – С. 3-21.
13. Кашкин, В.В. Дискурс: учебное пособие [Текст] / В.В. Кашкин. – Воронеж, 2004. – 76 с.
14. Лебедева, Н.Б. Естественная письменная русская речь: проблемы изучения [Текст] / Н.Б. Лебедева // Русский язык: исторические судьбы и современность: международный конгресс исследователей русского языка: труды и материалы. – М., 2001. – С. 260-261.
15. Лебедева, Н.Б. Наивный автор как письменно-речевая личность: жанроведческий аспект [Текст] / Н.Б. Лебедева, Е.А. Корюкина // Вестник Томского государственного университета. Филология. – Томск, 2013. – № 3. – С. 11-23.
16. Литвинова, Т.А. Идентификация и диагностирование автора письменного текста: монография [Текст] / Т.А. Литвинова, О.А. Литвинова. – Воронеж: Воронежский государственный педагогический университет, 2015. – 332 с.
17. Литвинова, Т.А. Пунктуационные выборы как составляющая ортологического параметра идиолекта носителя современного русского языка в аспекте идентификационной автороведческой экспертизы [Текст] / Т. А. Литвинова // Политическая лингвистика. – 2019. – № 1 (73). – С. 114–121.
18. Седов, К. Ф. Языковая личность в аспекте психолингвистической конфликтологии [Электронный ресурс] / К. Ф. Седов // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии, 2002. — Режим доступа: <http://www.dialog-21.ru/en/digest/2002/articles/sedov/>
19. Шипицина, Л.Ю. Жанры компьютерно-опосредованной коммуникации [Текст] / Л.Ю. Шипицина. – Архангельск: Поморский университет, 2009. – 238 с.
20. Litvinova, T. Ruspersnality: A Russian corpus for authorship profiling and deception detection / T. Litvinova, O. Litvinova, O. Zagorovskaya, P. Seredin, A. Sboev, O. Romanchenko // Proceedings of the International FRUCT Conference on Intelligence, Social Media and Web. ISMW FRUCT, 2016. – P. 1-7.
21. Litvinova, T. On the Stability of Some Idiolectal Features / T. Litvinova, O. Zagorovskaya, P. Seredin, O. Litvinova, T. Dankova // Lecture Notes in Computer Science. – 2018. – Vol. 11096. – С. 331-336.